

Василий Боткин

Литература и театр в Англии до Шекспира

Василий Петрович Боткин

Литература и театр в Англии до Шекспира

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8650340

Аннотация

«Известно, что произведения Шекспира отличаются всесторонним или, проще сказать, общечеловеческим характером, однакож, тем не менее он принадлежит к самым национальным английским поэтам и, кроме того, принадлежит еще к известной эпохе английской истории, которая необходимо должна была отразиться на его произведениях. Справедливо говорят, что кто хочет знать поэта, тот должен прежде узнать страну поэта и время, в которое он жил: без этих условий знакомство с поэтом будет не только неполным и поверхностным, но большею частью даже и ошибочным. Относительно Шекспира все это затрудняется еще тем обстоятельством, что об его личности и жизни до нас дошли только самые скудные сведения...»

Содержание

I.	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Василий Боткин

Литература и театр в Англии до Шекспира

Известно, что произведения Шекспира отличаются все-сторонним или, проще сказать, общечеловеческим характером, однакож, тем не менее он принадлежит к самым национальным английским поэтам и, кроме того, принадлежит еще к известной эпохе английской истории, которая необходимо должна была отразиться на его произведениях. Справедливо говорят, что кто хочет знать поэта, тот должен прежде узнать страну поэта и время, в которое он жил: без этих условий знакомство с поэтом будет не только неполным и поверхностным, но большею частью даже и ошибочным. Относительно Шекспира все это затрудняется еще тем обстоятельством, что об его личности и жизни до нас дошли только самые скудные сведения. Вот почему в последнее время в Англии и Германии явилась почти целая специальная литература, посвященная розысканиям как относительно самого Шекспира, так и относительно современных ему общества и литературы в Англии. Всякое искусство, а тем более литература – да и вообще и все человеческое – может проявляться не иначе, как только в национальной форме, и те, которые полагают, что можно быть космополитом, обнару-

живают тем, что они никогда и ни о чем серьезно не думали. Никакие нравственные силы, никакая гениальность не могут отрешить человека от влияний его почвы, его среды, его родителей, общества, в котором он вырос, его народа; национальность его всюду следует за ним, как его нравственный воздух, которым он живет, даже большею частью бессознательно для него самого. Национальность его входит, как существеннейший элемент, в выражение его мысли, в какой бы ни было форме, в художественной или в форме простой речи. Француз выражает свою мысль не так, как немец, англичанин – не так, как итальянец или русский, и так далее. Кажется бы, что в науках естественных, математике и, вообще, в механических знаниях, где дело идет о законах явлений, тождественных для всего мира, различие национальности должно бы совершенно стусhevываться; но и тут обнаруживается оно в научных приемах, в методах, в большей или меньшей аналитической силе, в точности наблюдений и тому подобном. А если мы коснемся духовных сфер, каковы – история, религия, искусства, то тут глубоко определившиеся национальности, их борьба и взаимодействие встречаются нас с первых же шагов. И замечательно, что чем более цивилизация начинает проникать в какой-либо народ, тем более она кристаллизуется в национальную религию, политические учреждения и, наконец, восходит до своего высшего национального выражения – до искусства, тем определеннее, глубже и самостоятельнее национальность этого народа.

Католицизм, например, доктрина, по существу своему, космополитическая, а между тем в Италии, Франции, Германии и Польше окрасился он в различные национальные цвета, присущие каждой из этих стран, окрасился по их национальному духу.

Читая Шекспира, можно подумать, что имеешь дело с космополитом. Какое отсутствие национальных предразсудков! (Увы предразсудки неизбежно слиты со всякою национальностью: это уж их физиологическое свойство). Какое глубокое и тонкое знание света и людей! какое верное прозрение в чуждые национальности! какое мудрое понимание жизни во всех её явлениях! Но, при всем этом, какая пламенная любовь к своему отечеству! При всей иронии над национальными пороками и недостатками, никто лучше Шекспира не опоэтизировал своей старой Англии; ни у кого из всех старых и новых поэтов не слышится такой широкий лиризм чувства, как только речь касается его отечества. Разумеется, в тех пьесах, содержание которых брал он из итальянских повестей и иностранных легенд, не представляется для этого повода; но возьмите его драмы из английской истории – и вы убедитесь, что нельзя представить себе глубже и искреннее той любви к своему отечеству, которая, словно против воли поэта, проступает в них.

Эпоха, в которую жил Шекспир, была самую интереснейшую в истории английской цивилизации: это было время, когда в национальные англо-саксонские элементы начала про-

никать античная цивилизация в виде греческой и римской литературы. Известно, что обаяние этой классической литературы было так велико, что подражание ей почти впродолжение двух сот лет вытесняло из английской литературы национальные элементы. Но в ту эпоху, когда жил Шекспир и когда была для английской поэзии, в лице Шекспира, тем же чем в Италии эпоха, известная под названием Возрождения (Renaissance) для итальянского искусства – в то время воскреснувшая из схоластической пыли классическая литература действовала совсем не так, как впоследствии. Не к рабскому подражанию возбуждала она, а к самобытному творчеству. Италия стремилась усвоить себе совершенство античной формы и творчески одушевить ее средневековыми идеалами, как-будто только и ждавшими этого лучезарного преображения для того, чтобы погрузиться в общий всем исторический сон. Так же живительно подействовало первое прикосновение классической литературы и на англосаксонскую национальность, с тем только различием, что, вместо лучезарного преображения средневековых идеалов, прикосновение её беспредельно расширило и без того уже орлиный взгляд Шекспира. Глубокий ум греков и римлян, их многовековая жизненная опытность, их пережитая зрелая мудрость, их суждение дел людских и событий, их удивительная цивилизация и, наконец, их чарующая поэзия – не могли не поразить открытый и впечатлительный ум такого гениального человека, как Шекспир, и не возбудит его ду-

ховного зренья к всестороннему созерцанию. Как из влияния национальных итальянских элементов с классическими вышло итальянское искусство, так из слияния англо-саксонских элементов с классическою литературою вышло творчество Шекспира.

Чтобы ввести читателя в эту интересную эпоху, мы считаем не лишним, пользуясь сочинением Гервинуса (Shakespeare von Gervinus, 4 тома), представить здесь краткий очерк литературы и театра в Англии до Шекспира.

I.

Понимать поэтов, вообще, почти невозможно без некоторого литературного образования; но Шекспир в этом отношении составляет исключение из всех поэтов древнего и нового мира, потому что каждый человек, даже совершенно чуждый литературного образования, непременно почувствует поэтическую силу его. Впрочем, достоинство Шекспира заключается не в одном его поэтическом величии: практические англичане не даром же называют сочинения его *книгою житейской мудрости* и вернейшим зеркалом мира и людей. Действительно, создания его раскрывают перед нами все стороны души человеческой, все положения семейной, общественной и исторической жизни. Он вводит нас и в события римского мира, и в мифическое время галло-британского народа, и в тревожный романтический мир рыцарства, и, наконец, в свою отечественную историю, и, изображая все эти разнообразные эпохи и отношения, поэт так высоко стоит над предразсудками и партиями своего времени, обнаруживает такое верное понимание нравов, искусств, государства, такое глубокомысленное воззрение на народы и времена, что почти не верится, что он принадлежит XVI веку, а не нашему, несравненно более зрелому и опытному. Житейская мудрость его и знание людей истинно поразительны, и авторитет его тем непреложнее, что Шекспир почерпнул их не

из книг или умственных теорий, а из собственного наблюдения над светом и людьми, выработанного самою многостороннею внутреннею жизнью. И несмотря на все это, Европа почти двести лет ничего не знала о таком великом поэте, да и потом, когда она уже услышала о нем, так медленно понимались его достоинства, что Шекспир долгое время оставался для неё какою-то неразрешимую загадкою. Такое странное обстоятельство можно объяснить только из литературной истории Англии.

Ни в какой стране Европы не было исстари такой любви к поэзии, как в Англии. Правда, что Германия имела своих миннезингеров, Франция – своих труверов и трубадуров, но там эти представители народной поэзии почти тотчас же примкнулись к высшим сословиям и скоро исчезли. В Англии, напротив, вся история её, можно сказать, слита с её менестрелями; они не только признаны были узаконениями, но существовали как отдельное общественное сословие, имевшее свои права, свое влияние и свои нравы и без которого не обходились никакие праздники и увеселения. Как древние британские барды и скандинавские скальды, менестрели Старой Англии в продолжении многих веков сохраняли в ней влияние своих предшественников. Позже всех стран покоренная Римом и всех скорее оставленная им, Англия во все не получила того глубокого и повсеместного отпечатка римской цивилизации, какой остался, например, на Галлии. Древнее британское население исчезло или рассеялось перед

завоеваниями англов и саксов; затем покорение англов датчанами и, впоследствии, покорение обоих этих племен норманнами образовало народонаселение, не противоположное по своим племенам, а родственное по своему общему германскому корню и, следовательно, близкое по своим нравам и обычаям. Побежденные в Англии норманнами, саксы и датчане, конечно, были угнетены, но не так, как, например, было в Галлии, где варварские обычаи германских победителей должны были беспрестанно оскорблять изнеженную цивилизацию побежденных галлов. Правда, что в Англии все народонаселение, победители и побежденные, было одинаково варварское, за то оно было однородное и родственное, так что и христианство здесь имело совсем другое развитие, нежели в средней и южной Европе. Франки, например, обращенные в христианство, нашли в завоеванной ими Галлии римское духовенство, уже богатое, сильное и уважаемое, которое естественно начало стараться о преобразовании постановлений, идей, нравов и верований своих завоевателей. Напротив, христианское духовенство саксов было само саксонское, такое же грубое и варварское, как и его духовная паства, но за то вполне родственное ей и разделявшее все её чувства и воспоминания. Таким образом, возникающая цивилизация Англии с самого начала своего стала развиваться, чуждая заимствованных форм и иностранных элементов, которые замешались в цивилизацию южной Европы. Это обстоятельство, обусловившее всю политическую историю Ан-

глии, не могло не иметь решительного влияния, как на характер английской нации, так и на развитие её поэзии.

В Старой Англии поэзия и представитель её – менестрель – слиты со всеми замечательными событиями её истории: по народным легендам, король Альфред, переодетый менестрелем, приходит в лагерь датчан; за четыре века до него, саксонец Бардульф менестрелем пробирается в город Иорк, в котором бритты осаждают брата его Кольгрима; шестьдесят лет позже менестрель проводит датского короля Алафа в лагерь Ательстона; наконец, в XII веке менестрель освобождает Ричарда Львиное-Сердце. Положим, что все это не более, как народные легенды, но они показывают, какое важное место занимали менестрель и его искусство в народном воображении. Впрочем, не одни легенды и хроники свидетельствуют о народности менестрелей: в 1315 году, при Эдуарде Втором, королевский совет, желая прекратить бродяжничество, издал повеление, запрещавшее проходим останавливаться в монастырях и замках баронов, «кроме менестрелей». В 1316 году, в то время, когда король Эдуард праздновал в Вестминстере Духов день, въехала в залу переодетая менестрелем женщина, на разубранном коне «по обычаю менестрелей», и, подав королю письмо, тотчас же выехала из залы. Король, недовольный письмом, сделал строгий выговор привратникам, которые, в оправдание свое, отвечали, что «никогда не было в обычае отказывать менестрелям вход в королевский дворец». Из обнародованных монастырских и цер-

ковных архивов видно, что в XV веке нанимали менестрелей на всякий праздник, как для увеселения собирающегося народа, так и для самой монашеской братии. Словом, где только собирался народ – на монастырских праздниках, на ярмарках, в деревнях и замках – там были непременно и менестрели, распевая свои баллады о народных героях, о подвигах владетелей замков, и битвах Перси с Дугласами, о Робине Гуде и бесчисленное множество других, давно уже совершенно утратившихся из народной памяти.

Возрождение классической литературы в Италии в XV веке, вкус к которой быстро распространился в Англии и охватил её высшие сословия, повело, с одной стороны, к уничтожению менестрелей, а с другой – к упадку народной поэзии и отделению её от литературы собственно. Уже в начале царствования королевы Елизаветы парламентский акт поставил менестрелей на ряду с нищими и бродягами. Образованные сословия, пораженные удивлением к древнему миру, с презрением смотрели на менестрелей, и, увлеченные стройной красотой его произведений, с жаром бросились изучать их, и думали только о подражании своим классическим образцам. Естественно, что следствием всего этого было решительное пренебрежение национальным элементом, так что, можно сказать, до самого конца XVI века, когда появились уже произведения Шекспира, в Англии не было собственно национальной литературы. Конечно, были английские поэты, но не было английской национальной поэзии, потому

что поэты эти были большею частью только ученые, изучившие латинское и итальянское стихотворство и старавшиеся подражать своим латинским и итальянским образцам. Их сонеты, аллегории и рассказы естественно не могли иметь в себе много национального. Шекспир первоначально своими повествовательными стихотворениями и сонетами вступил тоже в ряды этих поэтов. Итак, почти до половины царствования королевы Елизаветы английская литература состояла из подражания иностранным образцам – французским и испанским рыцарским романам, итальянской поэзии и новеллистике. Но на сцене английской стал впервые проступать народный саксонский характер, и возникавший театр сделался очень скоро почти исключительно национальною собственностью. Любовь к театру быстро охватила двор, дворянство и народ, и в течение каких-нибудь двадцати пяти лет театр совершенно вышел из своего до тех пор весьма низкого положения. До Генриха VIII английские театральные пьесы были слабыми или грубыми драматическими попытками, а уже дворы Елизаветы и Иакова особенно любили шекспировские пьесы и, народ преимущественно посещал представления его труппы. Может быть, современники Шекспира и не вполне понимали достоинства его произведений, но все-таки, кажется предчувствовали их. Бэн-Джонсон, например, в стихотворении своем на смерть Шекспира, напечатанном в 1623 году, высоко ставил его над всеми английскими драматургами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.